
Первые интерпретации «И цзина» на Западе и в России*

© 2021 г. А.И. Кобзев

Центр изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета,
Харбин, 150080, р-н Наньган, ул. Сюэфу, д. 74; Институт востоковедения РАН,
Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; Московский физико-технический институт
(Национальный исследовательский университет), Долгопрудный, 141701, Институтский пер., д. 9;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, ГСП-3,
Миусская площадь, д. 6.

E-mail: arkobzev@gmail.com

Поступила 24.08.2020

«И цзин» 易經 («Канон перемен»), или «Чжоу и» 周易 («Всеохватные циклические перемены [эпохи] Чжоу»), – «книга книг» китайской культуры, также претендующая на роль первоисточника двоичного счисления, которое на Западе впервые описал Лейбниц, всегда интересовавшийся Китаем, знакомый с двоичным кодом триграмм и гексаграмм (*гуа*) «И цзина» и признававший его мифического создателя императора-первопредка Фу-си первооткрывателем бинарной арифметики, а себя – вновь ее нашедшим через четыре тысячи лет. В настоящее время исторические данные не позволяют сделать точный вывод о зависимости или независимости этого выдающегося открытия в Европе от китайского прототипа. Время проникновения начальных сведений об «И цзине» в Европу пока скрыто завесой тайны. Отсутствие сообщения о нем в книге *Марко Поло* – одна из ее загадок. При этом в средиземноморском ареале следы знакомства с ицинистикой проглядывают в таких культурных явлениях, как астрология и алхимия, каббала и учение Раймонда Луллия, секстина и гексахорд. Начало европейскому изучению «И цзина» положили миссионеры-иезуиты, прибывшие в Китай в конце XVI в. В их среде к концу XVII в. сформировалось целое направление «ицинистов», или «фигуралистов». Они усмотрели в «И цзине» китайскую «Библию», воплощающую изначальное Божественное Откровение в форме каббалистических «фигур» *гуа* и являющуюся выражением общей, священной и допотопной «иероглифической науки» древнего мира, то есть «метафизики чисел, или общенаучного метода», «содержащего все другие знания». По-видимому, первые в России сведения об «И цзине» в подобной интерпретации опубликовал Г. (Т.) З. Байер в 1730 г. на латыни. По-русски первичная информация о памятнике стала доступной читателю через полвека стараниями А.Л. Леонтьева. Инициатором обращения к «И цзину» он назвал посетившего Петербург в 1769 г. французского аббата, но не указал его имени. П.Е. Скачков вслед за В.С. Колоколовым ошибочно идентифицировал его с А. Гобилем. Однако, скорее всего, им был Н. Бодо, проводивший в 1769 г. в Петербурге конфиденциальные переговоры с Екатериной II о ситуации в Польше. Видимо, взгляд на «И цзин» французских просветителей и физиократов, выраженный Ф. Кенэ и донесенный Н. Бодо до А.Л. Леонтьева, побудил его связать канон с правительственными указами империи Цин. В.П. Васильев высказал ряд оригинальных мыслей об «И цзине», которые,

* Автор благодарит за ценные советы д.и.н., профессора, научного руководителя докторантов Ма Вэйюня 马蔚云 (Центр изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета).

возможно, повлияли на создание его графической системы китайских иероглифов и Таблицы Менделеева. Ю.К. Щуцкий, первым в России специально изучивший «И цзин» и написавший о нем обширную монографию, странным образом не обратил внимания на высказывания отечественных предшественников, но в своем новаторском подходе предвосхитил неомистицизирующую юнгианскую тенденцию в его истолковании на Западе в XX в. Благодаря освященной мировыми авторитетами психологизации и эстетизации мантики «И цзина» после Второй мировой войны этот неомистицизм проник в массовую культуру Запада, на новом уровне и в большем масштабе повторив начальный успех, подготовленный фигуралистами тремя веками раньше.

Ключевые слова: «И цзин», «Чжоу и», «Канон перемен», «Книга перемен», Лейбниц, Г. (Т.) З. Байер, А.Л. Леонтьев, Н. Бодо, Ф. Кенэ, Фу-си, Сиф, Хэту, В.П. Васильев, Таблица Менделеева, Ю.К. Щуцкий, К.Г. Юнг.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-182-198

Цитирование: *Кобзев А.И.* Первые интерпретации «И цзина» на Западе и в России // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 182–198.

The First Interpretations of the *Yi-jing* in the West and in Russia

© 2021 Artem I. Kobzev

Center for the Study of Russian Language, Literature and Culture, Heilongjiang University, 74, Xuefu rd, Nangang district, Harbin, 150080, China; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation; Moscow Institute of Physics and Technology, 9, Institutskiy per., Dolgoprudny, 141701, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Faculty of Philosophy, 6, Miussskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

E-mail: arkobzev@gmail.com

Received 24.08.2020

The *Yi-jing* 易經 (*Canon of Changes*), or *Zhou yi* 周易 (*All-Encompassing Cyclical Changes of the Zhou [era]*), is “the book of books” of Chinese culture, which is also claimed to be the primary source of binary numeration, first described in the West by Leibniz. He was always interested in China, familiar with the binary code of tri- and hexagrams (*gua*) of the *Yi-jing* and acknowledged its mythical creator, the ancestor emperor Fuxi, as the discoverer of binary arithmetic, and himself – as the one who found it again after four thousand years. At present, historical data do not allow us making an accurate conclusion about the dependence or independence of this outstanding discovery in Europe from the Chinese prototype. The time of the penetration of the initial information about the *Yi-jing* into Europe is still hidden by a veil of secrecy. The lack of a message about it in the book of Marco Polo is one of its mysteries. At the same time in the Mediterranean area traces of acquaintance with the *Yi-jing* studies are visible in such cultural phenomena as astrology and alchemy, Kabbalah and the teachings of Ramon Llull, sextine and hexachord. The beginning of the European study of the *Yi-jing* was laid by Jesuit missionaries who arrived in China at the end of the 16th century. Among them, by the end of the 17th century, a whole trend of “Yi-jingists” or “figuralists” was formed. They saw *Yi-jing* as the Chinese Bible, embodying the original Divine Revelation in the form of the kabbalistic “figures” of the *gua* and being an expression of the common, sacred and antediluvian “hieroglyphic science” of the ancient world, that is, “Metaphysics of numbers, or general scientific method”, “containing all other knowledge”. Apparently the first information in Russia about the *Yi-jing* was published by the first Russian sinologist, German historian and philologist-polyglot G. (Th.) S. Bayer in the two-volume *Museum Sinicum* (Petersburg, 1730) in Latin. In Russian the primary information about *Yi-jing* became available to the reader half a century later owing to the coryphaeus of Russian sinology of the 18th century Aleksei L. Leontiev. In 1782 he published an illustrated and commented translation of a fragment from *Yi-jing* (named *Convenient Base*) as an appendix to his translation of the Manchu text of the *Statutes of the Great Qing* (大清會典 *Dai-Qing hui-dian*). Leontiev mentioned the French abbot who visited St. Petersburg in 1769 as the initiator of his appeal to the *Yi-jing*, but did not indicate his name. Petr E. Skachkov (1892–1964) agreed with Vsevolod S. Kolokolov (1896–1979) that this abbot was the famous French Jesuit missionary and versatile scientist Antoine Gaubil (1689–1759). However, he died ten years earlier. Most likely the interlocutor of Leontiev was a well-known theologian and economist-physiocrat, French abbot Nicolas Baudeau (1730–1792), who held confidential negotiations with Catherine II in 1769 in St. Petersburg in connection with the situation in Poland. The secrecy of this mission on the eve of the first partition of Poland fully explains the concealment of his name in 1782 when he was still alive and preparing the second partition of Poland. Apparently, a look at the *Yi-jing* of the French enlighteners

and physiocrats, expressed by F. Quesnay (1694–1774) and reported by Baudeau to Leontiev prompted him to link the ancient canon with *Statutes of the Great Qing*. Vasilii P. Vasiliev (1818–1900) expressed a number of original thoughts about the *Yi-jing*, which may have influenced the creation of his graphic system of Chinese characters and Mendeleev periodic table. Yulian K. Shchutsky (1897–1938), the first Russian researcher who specially studied the *Yi-jing* and wrote an extensive monograph about it, strangely ignored the statements of his domestic predecessors, but his innovative approach anticipated the neo-mystic Jungian tendency in Western interpretations of the *Canon* in the 20th century. Due to the psychologization and aestheticization of the *Yi-jing* sanctified by world authorities in this field, after the Second World War this neo-mysticism penetrated the mass Western culture which repeated the initial success prepared by figurists three centuries earlier on a new level and larger scale.

Keywords: *Yi-jing*, *I-ching*, *Zhou-yi*, *Yi-king*, *Canon of Changes*, *Book of Changes*, G. (Th.) S. Bayer, A.L. Leontiev, N. Baudeau, F. Quesnay, Fu-xi, Seth, He-tu, *Dai-Qing hui-dian*, *Statutes of the Great Qing*.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-182-198

Citation: Kobzev, Artem I. (2021) “The First Interpretations of the *Yi-jing* in the West and in Russia”, *Voprosy filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 182–198.

«Канон перемен» («И цзин» 易經), или «Чжоу и» (周易 «Всеохватные циклические перемены [эпохи] Чжоу»), – наиболее авторитетное и оригинальное произведение канонической (цзин 經) и философской (цзы 子) литературы, стоящее во главе конфуцианского «Пятиканония» («У цзин» 五經) и неоконфуцианского «Тринадцатиканония» («Ши-сань цзин» 十三經), почитаемое даосизмом и дальневосточным буддизмом, породившее специальное учение – ицзинистику, или ицзиноведение (*и-сюэ* 易學), и оказавшее фундаментальное духовное воздействие на всю синическую цивилизацию, то есть на цивилизацию самого Китая и культурно зависимых от него стран Дальнего Востока. Эта «книга книг» – одно из величайших и наиболее загадочных творений человечества, самый древний и почитаемый в мире оракул, одновременно считающийся предтечей современных компьютерных технологий (подробно см.: [Кобзев 2014]).

Крупный ицзиновед из КНР Чжу Бо-кунь 朱伯崑 (1923–2007) подчеркивал, что «ицзинистика стала осью китайской культуры и науки. Древняя философия, политология, этика, религия и особенно даосизм, естественные науки, литература, эстетика, история и прочее, все имеют тесную связь с развитием канона и предания “Чжоу и”, все восприняли исходные принципы ицзинистики и сделали своей теоретической основой. Тут особенно велико влияние на развитие философии и естественных наук... История ицзинистики представляет собой процесс развития. Форму и содержание ее теоретической мысли последователи подняли на такую высоту, где освободили от мантического содержания и превратили в одно из сокровищ китайской культуры, которое внесло свой вклад в человеческую цивилизацию» [Чжу Бо-кунь 1998, 595–596].

В настоящее время проблема вклада китайской культуры в человеческую цивилизацию по понятным причинам приобрела невиданную ранее актуальность. Китайская цивилизация – самая древняя из ныне существующих на Земле, но после растянувшейся на столетие с лишним исторической катастрофы еще полвека тому назад казалась отставшей навсегда. Теперь же все радикально изменилось, и Китай вновь готов стать не только фабрикой мира, но и его культурным центром, как это было чаще всего ранее в человеческой истории. Действительно, уже многие фундаментальные ценности Поднебесной сначала незаметно, а потом и «весомо, грубо, зримо» проникли в западный обиход, и пришла пора вполне серьезно, то есть научно, а не мифопоэтически, говорить о китайском пути человечества как глобальной культурной альтернативе Западу.

Древнейшие и одновременно наиболее развитые культуры современного мира образуют глобальную оппозицию, подобную психосоматической, половой и всем прочим двоичным прогивоположностям человеческого тела, вида и социума. Взаимная полярность западной (евро-американской, индоиранской, арабо-мусульманской) и восточной (в бинарной оппозиции именно китайской, или синистической) культур имеет глубочайшие антропологические, а не только социальные и историко-культурные корни, выражаясь в кардинальном различии языков, типов письменности, языковых картин мира, психотипов, социокультурных норм, религиозно-философских систем и т.д. (подробно см.: [Кобзев 2016⁶]).

В «Каноне перемен» и сопряженной с ним литературе текстуально (с иероглифической и канонической-цзин спецификой) и схематически (в виде фигур-гуа 卦, прежде всего три- и гексаграмм, и универсальных хронопограмм) зафиксировано одновременно мировоззренческое и методологическое ядро китайской (в широком смысле – синистической) культуры. Поэтому для установления ее вклада в мировую цивилизацию следует в первую очередь обратиться к «Канону перемен» и определить не только его характерные особенности, но и начальные формы влияния на западную культуру как цивилизационную альтернативу.

Автор первого в России специального исследования «Канона перемен» Ю.К. Щуцкий (1897–1938), признав его «права на первое место в китайской классической литературе», «великое значение в развитии духовной культуры Китая», «влияние в самых разных областях: и в философии, и в математике, и в политике, и в стратегии, и в теории живописи и музыки, и в самом искусстве: от знаменитого сюжета древней живописи – “8 скакунов” – до заклиательной надписи на монете-амulette или орнамента на современной пельменице», отметил также «почти непреодолимую трудность» понимания и перевода этого «темного и загадочного текста, окруженного огромной, подчас весьма расходящейся во мнениях литературой комментаторов», и выражающего свои концепции в «непривычных и чуждых нам образах» [Щуцкий 2003, 84].

Обобщая историографический обзор работ предшественников, выдающийся отечественный синолог в 1935 г. выделил 19 различных трактовок этого таинственного произведения: «1) гадательный текст, 2) философский текст, 3) гадательный и философский текст одновременно, 4) основа китайского универсизма, 5) собрание поговорок, 6) записная книжка политика, 7) политическая энциклопедия, 8) толковый словарь, 9) бактрийско-китайский словарь, 10) фаллическая космогония, 11) древнейший исторический документ Китая, 12) учебник логики, 13) бинарная система, 14) тайна кубокуба, 15) случайные толкования и комбинации черт, 16) фокусы уличного гадалея, 17) ребячество, 18) бред, 19) ханьская подделка», после чего сформулировал свой вывод, согласно которому столь удивительная книга возникла из «древнейшей практики гадания и служила в дальнейшем почвой для философствования, что было особенно возможно потому, что этот малопонятный и загадочный архаический текст представлял широкий простор творческой философской мысли» [Там же, 112].

Именно так, прежде всего в качестве философского и, более того, научного трактата, склонны представлять «Канон перемен» современные китайские ученые, пишущие о его влиянии на Запад. Например, научный сотрудник сектора философии науки и техники Института философии Китайской академии общественных наук Лю Ган 刘钢 (р. 1954) высказал мнение, что «китайская философия, и особенно ее классическое произведение “И цзин”, – информационная», поэтому «в китайском “И цзин” можно почерпнуть аргументы в поддержку некоторого преобразования западной науки, наглядным свидетельством чего служат работы Лейбница по аристотелевской логике и его бинарная интерпретация гексаграмм “И цзин”» [Лю Ган 2007, 55].

Последнее подразумевает истолкование Г.В. Лейбницем двоичного кода три- и гексаграмм (гуа) «И цзина» в последовательности, приписываемой мифическому императору-первопредку и культурному герою Фу-си 伏羲, как выражения бинарной арифметики. Немецкий философ утверждал, что основатель китайского государства обладал двоичным счислением четырьмя тысячелетиями раньше, а он сам его независимо

«вновь нашел» и признал оба достижения двумя проявлениями единого божественного закона. К этому заключению он пришел при содействии «королевского математика» Людовика XIV Ж. Буве (J. Bouvet, 1656–1730), подвизавшегося при дворе китайского императора Сюань-е 玄燁 (1654–1722; девиз правления Кан-си 康熙, 1662–1722) в качестве ученого миссионера-иезуита и писавшего Лейбницу об «И цзине» в письмах 1700–1703 гг. [Лейбниц 2005, 315].

В действительности степень самостоятельности выдающегося открытия Лейбница, официально опубликованного в работе 1703 г. «Объяснение бинарной арифметики» (*Explication de l'Arithmétique binaire...*), как и в случае с дифференциальным исчислением, не до конца ясна. С одной стороны, он уже в письме от 02.01.1697 предлагал герцогу Рудольфу Августу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому (Rudolf August von Braunschweig-Wolfenbüttel, 1627–1704) отлить серебряную медаль с изображением двоичных чисел и действий с ними в честь своего открытия, до этого описанного им в неопубликованной рукописи 1679 г. *De progression dyadica* [Там же, 358, 137].

Но с другой стороны, Лейбниц всегда интересовался Китаем, в частности, в 1689 г. общался в Риме с опытнейшим итальянским миссионером-иезуитом К.Ф. Гримальди (C.F. Grimaldi, 1638–1712), до этого проводившим около 20 лет в Китае, бывшим также инженером и астрономом, приближенным к Сюань-е (Кан-си) и впоследствии возглавившим императорское астрономическое бюро в Пекине [Leibniz 1990, 7–10]. В 1697 г. Лейбниц даже выпустил в свет специальную книгу «Новейшее о Китае» (*Novissima Sinica*), которая была переведена и издана в Китае (подробно см.: [Фишман 2003, 343–352]).

Время проникновения начальных сведений о «Каноне перемен» в Европу пока скрыто завесой тайны. Отсутствие сообщения о нем в знаменитой «Книге чудес света» (*Livre des merveilles du monde*) Марко Поло (1254–1324) – одна из ее загадок. При этом в средиземноморском ареале следы знакомства с ицзинистикой проглядывают в таких культурных явлениях, как астрология, алхимия, каббала и учение Раймонда Луллия (1232–1316) (см.: [Кобзев 2010; Кобзев 2017^a; Кобзев 2017^b]). Теперь их уже можно проследить до XII в. Например, наш недавний анализ истории сложной поэтической формы – секстины, неожиданно появившейся в мультикультурной среде трубадуров Прованса в конце XII в., показал, что ее нумерологическая структура и спиральный алгоритм, раскрытые лишь в XX в., очень напоминают систему построения гексаграмм «Канона перемен», изображения которых благодаря книгопечатанию именно в X–XII вв. стали широко распространяться в самом Китае и могли попасть в Европу с помощью арабов (подробно см.: [Кобзев 2018]).

Все же в указанных случаях речь идет о гипотетических построениях и опосредованных связях, а пока достоверно известно, что напрямую начало европейскому изучению «Канона перемен» положили миссионеры-иезуиты, прибывшие в Китай в конце XVI в. Этот памятник поначалу они «предпочитали трактовать как низкопробное гадательное пособие, свидетельствующее об испорченности китайских нравов язычеством» [Ломанов 2002, 212], но затем более внимательный и компетентный взгляд на него привел их к совершенно иному выводу.

Во второй половине XVII в. наиболее полное и глубокое описание Китая составил проведший в нем большую часть жизни португальский иезуит и родственник Ф. Магеллана Г. Магельяэш (Gabriel de Magalhães, 1610–1677), который отчетливо выразил почтение к «И цзину» (*Ye kim*). В его труде «Двенадцать превосходств Китая» (*Doze excelências da China*), законченном в 1668 и опубликованном в 1688 г. по-французски в Париже и по-английски в Лондоне, сказано, что эта достойная уважения древнейшая книга содержит «благородные суждения и моральные заповеди», поэтому ее «китайцы чрезвычайно почитают и считают самой глубокой, самой ученой и таинственной из всех в мире; и по этой же причине полагают почти невозможным для себя ее понять, а для посторонних видеть и прикасаться к ней» [Magailans 1688, 98].

В итоге к концу XVII в. в Китае сформировалось целое миссионерское направление «ицзинистов», которое в современной литературе называется «фигурализмом».

Его представители Ж. Буве, Ж.-А. де Голле (J.A. de Gollet, 1664–1741), Ж.Ф. Фуке (J.-F. Foucquet, 1665–1741) и Ж. де Премар (J. de Prémare, 1666–1736) усмотрели в «Каноне перемен» китайскую «Библию», воплощающую изначальное Божественное Откровение в форме каббалистических «фигур» *гуа* и являющуюся выражением общей, священной и допотопной «иероглифической науки» древнего мира, то есть «метафизики чисел, или общенаучного метода», «содержащего все другие знания» (подробно см.: [Ломанов 2002, 209–246]). Эти идеи, став известными европейским ученым, заинтересованно обсуждались синологами и философами во Франции до начала XIX в. (см.: [Фишман 2003, 246–247]).

«Фигуры» из одной, двух, трех и шести черт, включая восемь триграмм в особом линейном расположении (*Цянь, Кань, Чжэнь, Гэнь, Ли, Кань, Дуй, Сюнь*), производном от расположения Фу-си, и 64 гексаграммы в квадратном расположении Фу-си впервые опубликовал в Мюнхене в 1658 г. в сочинении о китайской истории с мифических времен до н.э. итальянский миссионер-иезуит, картограф и историк М. Мартини (M. Martini, 1614–1661), который сразу отметил их сходство с пифагорейством [Martini 1658, 14–16]. Описание «И цзина» как *Liber/Librum mutationum*, проиллюстрированное изображением «фигур» из одной, двух, трех и шести черт, включая восемь триграмм в линейном и круговом расположении Фу-си и 64 гексаграммы в квадратном расположении ещё одного, согласно традиции, автора и также правителя Вэньвана 文王 (XII–XI вв.), было дано в пионерском труде коллектива европейских миссионеров-иезуитов (P. Intorcetta, 1625–1696; Ch.W. Herdrich, 1625–1684; F. de Rougemont, 1624–1676; Ph. Couplet, 1623–1693) о конфуцианстве «Китайский философ Конфуций, или Китайская наука, представленная на латыни», изданном в Париже в 1687 г. [Confucius 1687, XI–L]. Там же был дан перевод текста «фигуры» № 15 *Цянь*, выделенной благодаря христианскому истолкованию ее названия как Смирение (*Humilitas*) [Ibid., L–LIV].

Лейбниц прочел парижский фолиант «Китайский философ Конфуций» вскоре после издания, как следует из его письма ландграфу Эрнсту Гессен-Рейнфельдскому от 19.12.1687 (см.: [Лю Ган 2007, 50; Фишман 2003, 344]). Еще раньше он познакомился с синологической литературой, содержащей сведения о «Каноне перемен», в частности в 20-летнем возрасте, то есть около 1666 г., прочел изданную в 1660 г. книгу филолога и историка Готлиба (Теофила) Шпицеля (Gottlieb Spitzel/Spizel, Theophilus Spicelius, 1639–1691) «Комментарий к китайской литературе» [Spitzel 1660] (см.: [Лю Ган 2007, 49; Фишман 2003, 343]). Поэтому не лишены оснований предположения некоторых исследователей о первичности китайского импульса для появления в Европе конца XVII в. двоичного числения, в конце XX в. изменившего весь мир [Лейбниц 2005, 7; Фишман 2003, 350–352; Needham 1956, 343]. Движение фигуралистов в Китае было подавлено римской церковью, но дальнейшее развитие аналогичных бинарных формализмов на Западе через двоичную алгебру Буля привело к созданию логических машин и компьютерной технологии.

Первый перевод всего «Канона перемен» на латынь, основанный на официальном издании 1715 г. сановника и академика Ли Гуан-ди 李光地 (1642–1718) «Выбирающее середину [толкование] “Чжоу и”» (周易折中, «Чжоу и чжэ чжун»), комментариях крупнейшего неоконфуцианца Чжу Си 朱熹 (1130–1200) «Коренной смысл “Чжоу и”» (周易本義, «Чжоу и бэнь и») и маньчжурском переводе (вторая пол. XVII в.), также сделали миссионеры-иезуиты (J. de Mailla, 1669–1748; P. du Tartre, 1669–1724; J.V. Regis, 1664–1738) в 1736 г. Их труд увидел свет лишь через столетие в изданном в Германии стараниями известного немецкого востоковеда Ю. Моля (J. Mohl, 1800–1876) двухтомнике [Mohl 1834–1839], где название «И цзин» переведено как *Liber de mutationibus* [Mohl 1834–1839 I, 10]. Равным образом первый перевод на живой европейский язык части «Канонической книги перемен» (*Livre canonique des changements*) осуществил бретонский иезуит, епископ и математик К. де Висделу (C. de Visdelou, 1656–1737) в «Заметках» о ней 1728 г. [Gaubil (trad.) 1770, 351–352, 399–436; Visdelou 1842]; он перевел на французский все ту же гексаграмму № 15 (*l'humilité*), воспроизвел

некоторые сопутствующие схемы и применил терминологические неологизмы «гексаграмма» и «триграмма», которые затем через британских миссионеров А. Уайли (А. Wylie, 1815–1889) и Дж. Легга (J. Legge, 1815–1897) вошли в международный обиход.

Первую книгу об «И цзине» как его «новое и полное истолкование» издал в Германии в 1753 г. Й.Т. Хаупт [Haupt 1753], сообщивший, что другой немец И.Г. Газенбальд (J.H. Hasenbald) в 1745 г. обнаружил в нем столь же общую научную методологию – силлогистику (см.: [Щуцкий 2003, 92]). Однако уже крупнейшие синологи второй половины XIX – начала XX в. В.П. Васильев (1818–1900), Г.А. Джайлз (H.A. Giles, 1845–1935), В. Грубе (W. Grube, 1855–1908), Л. Вигер (L. Wieger, 1856–1933) вновь стали считать «И цзин» всего лишь гадательной книгой.

Так или иначе при первом знакомстве «Канон перемен» в Западной Европе предстал как носитель глубочайшей философской, теологической и научной мысли. Оттуда же, а не из Китая эти исходные сведения о нем довольно быстро, уже в начале XVIII в., проникли в Россию. По-видимому, впервые их здесь опубликовал на латыни не знавший русского языка немецкий историк и филолог-полиглот Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер (Gottlieb (Theophilus) Siegfried Bayer, 1694–1738), ставший первым российским академиком-китаеведом (см.: [Скачков 1977, 52–54]). Будучи с 1725 г. профессором восточных языков Академии наук в Петербурге, он издал там в 1730 г. компилятивный двухтомник *Museum Sinicum*, посвятив его своему покровителю архиепископу Феофану Прокоповичу (1681–1736) и преподнеся членам китайского посольства во время их пребывания в 1732 г. в Петербурге по случаю воцарения Анны Иоанновны (1693–1740) в 1730 г. (см.: [Там же, 36]). Первый том этого издания содержит описание китайской иероглифики с кратким рассуждением об «одной из древнейших книг» «И цзине» (в транскрипции *ye kim*) как ее традиционно признанном первоисточнике [Bayer 1730, 94–98]. Автор с некоторыми искажениями привел изображения четырех видов «фигур» (*figura*): двух монограмм (сплошной и прерванной черт), образованных из них четырех диграмм, восьми триграмм (в перевернутом на 180° порядке Фу-си) и четырех первых гексаграмм (в обратной последовательности) порядка Вэньвана, запечатленного в самом тексте «Канона перемен» (ср.: [Кобзев 2014, 687, 691]), а также сослался на их истолкование как «бинарной арифметики» Ж. Буве и Лейбницем (см.: [Там же, 673–674]).

На русском языке первичная информация об «И цзине» стала доступной читателю через полвека благодаря корифею отечественной китаистики XVIII в. А.Л. Леонтьеву (1716–1786), который в 1782 г. издал иллюстрированный и комментированный перевод фрагмента из него под заглавием «О двойственных действиях духа *инь ян* из китайской книги, *И гин* называемой» как приложение к своему переводу маньчжурского текста «Свода узаконений Великой [империи] Цин» (大清會典, «*Дай Цин хуэй дянь*», 1690 г.) [Тайцин Гурунь 1782, 303–313]; см.: [Хохлов 2009, 484–490]. Примечание к заглавию этого приложения гласит: «*И гин* значит: удобное основание. Книга сия у китайцев важная и первая из всех древних книг их. Они почитают ее основанием для всех в свете наук. Один французский абас, который был здесь в Петербурге в 1769 году, говорил, что древнее книги сей нет в целом свете и что посему ученые люди весьма желают видеть ее на европейских языках. Я, услыша от него сие, покуился, для оказания ученым людям услуги моей, переводить оную книгу на российской язык; но перевел по возможности моей только то, как начинается, а далее, за многими в ней начертаниями и терминами, переводить не могу» [Тайцин Гурунь 1782, 301].

Как видно из этого примечания, А.Л. Леонтьев необычно (ср. уже принятые XVII–XVIII вв. латинский и французский переводы *Liber/Librum mutationum*, *Liber de mutationibus* и *Livre canonique des changements*) определил начальный иероглиф названия «И цзин» (в его архаической транскрипции «*И гин*») и 易 в соответствии с первым значением, даваемым древнейшими комментаторами, – «легкое, удобное», а второй *цзин* 經 понял онтологически – как «основание», а не текстологически – как

«основополагающая книга, канон» (о разных вариантах понимания и перевода названия «И цзина» подробно см.: [Кобзев 2014, 632–638]).

В современной литературе новаторское для России описание «Канона перемен» Г. (Т.) 3. Байером не упоминается, а сообщение о пионерской публикации А.Л. Леонтьева впервые появилось в «Очерках истории русского Китаеведения» П.Е. Скачкова (1892–1964), написанных им в последние годы жизни и опубликованных посмертно в 1977 г. под редакцией В.С. Мясникова [Скачков 1977, 73]. В основном тексте книги процитировано вышеприведенное примечание А.Л. Леонтьева, неточно названное предисловием, а в собственном примечании П.Е. Скачкова сказано: «По разъяснению В.С. Колоколова, французский аббат, с которым беседовал Леонтьев, – это миссионер Гобиль (см. прим. 91 к настоящей главе). В предисловии Леонтьева фамилия не указана, дано сокращенно – “франц. абат”» [Там же, 307].

Однако, как явствует из полностью процитированного автором этих строк примечания (а не предисловия) А.Л. Леонтьева, в нем нет никаких сокращений и указан «французский абас», то есть аббат (на латыни *abbas*). В.С. Колоколов (1896–1979) – выдающийся отечественный синолог (о нем подробно см.: [Фонякова 2016]), но в данном случае ссылка на его авторитет напрасна, поскольку знаменитый французский миссионер-иезуит и разносторонний ученый Антуан Гобиль (*Antoine Gaubil*, 1689–1759), хотя действительно в 1739 г. был избран почетным членом Петербургской академии наук, с 1722 г. безвыездно находился в Пекине до своей кончины и через десятилетие после нее не мог ни с кем нигде встречаться. Поэтому очевидно, что в приведенное «разъяснение» закралась ошибка, странным образом не замеченная издателями книги П.Е. Скачкова, в которой ими же отмеченное и тремя страницами выше находящееся примечание о А. Гобиле содержит датировку его жизни [Скачков 1977, 304]. Следовательно, личность французского аббата, побудившего А.Л. Леонтьева обратить внимание на «Канон перемен», до настоящего времени не была установлена. И эта ситуация выглядит изначально странной, поскольку А.Л. Леонтьев мотивировал исследование «Канона перемен» советом видного собеседника, но почему-то не назвал его имя и по непонятной причине присоединил результат своего труда к, казалось бы, тематически и хронологически далекому собранию государственных указов.

Эти неясности позволяет устранить предположение, что указанным, но не поименованным лицом был известный теолог и экономист-физиократ, французский аббат Н. Бодо (*Nicolas Baudeau*, 1730–1792), которого в 1768 г. пригласил в Польшу епископ Вильнюса князь И. Массальский (*Ignacy Massalski*, 1726–1794), затем в 1769 г. пославший его в Санкт-Петербург для конфиденциальных переговоров с Екатериной II о конфедерации. Бодо там «остался и сделал новые предложения – сойтись с Францией и вместе с нею восстановить спокойствие в Польше», как отметил С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» [Соловьев 1896, XXVIII, 611] (см. также: [Wolff 2012, 267–268]). Секретность переговоров Н. Бодо в Санкт-Петербурге накануне Первого раздела Польши вполне объясняет сокрытие его имени А.Л. Леонтьевым в 1782 г., когда он еще был жив и назревал Второй раздел соседнего государства.

Среди французских физиократов были развиты синофильские настроения, поскольку в созданном просветителями и энциклопедистами образе китайской империи они видели привлекательное сочетание абсолютной монархии с относительной проницаемостью сословных перегородок и приоритета сельского хозяйства с достаточной свободой экономики. В таком контексте наукообразная система символов «Канона перемен» представлялась адекватным выражением естественного порядка, за который они ратовали. Более того, в ранней европейской синологии господствовало сформированное миссионерами-иезуитами (М. Martini, Ph. Couplet, P. Intorcetta и др.) мнение, что исходное назначение «И цзина», созданного первым государем Фу-си, состояло в установлении основных принципов управления государством.

Эти идеи подхватил создатель школы физиократов и синофил Ф. Кенэ (*François Quesnay*, 1694–1774), который наилучшим образом изложил свою политическую теорию в работе «Китайский деспотизм» (*Le Despotisme de la Chine*), опубликованной

в издававшемся Ф. Бодо журнале «Эфемериды гражданина, или Рациональная библиотека моральных и политических наук» (“*Ephémérides du citoyen, ou Bibliothèque raisonnée des sciences morales et politiques*”, 1767, mars – juin). В главе II «Основные законы империи» (*Lois fondamentales de l'empire*), во 2-ом разделе под названием «Священные, или канонические, книги первого порядка» (*Livres sacrés ou canoniques de premier ordre*) первой среди таковых он указал «И цзин», или «Книгу превращений» (*Livre des Transmutations*), и заключил: «Конфуций разгадал загадочные линии “И цзина” и сочинения комментаторов; он верил, что распознал в них тайны, имеющие большое значение для государственного правления, и извлек из них прекрасные *политические* и *моральные* наставления, которые с его времени составляют основу китайской науки. Ученые высоко ценят эту книгу; и Фу-си, которому они приписывают ее авторство, считается отцом наук и хорошего правления» [Quesnay 1888, 590] (см. также: [Фишман 2003, 290–294]). Поскольку Н. Бодо принял данную позицию, его совет переводить «И цзин» был вполне закономерен не только в общепознавательном смысле, как указал А.Л. Леонтьев, но и в конкретно-научном, связанном с социально-экономическим и политико-правовым законотворчеством.

В своем переводе А.Л. Леонтьев воспроизвел начало традиционного издания «Канона перемен», восходящего к «Коренному смыслу “Чжоу и”» Чжу Си, где тексту предшествуют связанные с ним нумерологические диаграммы, первой среди которых стоит «магический крест» *Хэ-ту* 河圖 («Изображение [из Желтой] реки») (см.: [Кобзев 2011]). Поэтому сразу за заглавием «О двойственных действиях духа *инь ян* из китайской книги, *И гин* называемой» следует традиционное изображение *Хэ-ту* (из символизирующих четные и нечетные числа черных кружков *инь* 陰 и белых кружков *ян* 陽, соединенных линиями в количественно соответствующие им группы) с обозначением по-русски коррелятивных стран света под названием «Начертание Фусиево» [Тайцин Гурунь 1782, 302].

В примечании на следующей странице сказано: «В одной книге разных начертаний много. Фуси по летописи китайской первый князь. Он был при жизни Сифовой с 3472 до рожд. Христ. *Фуси* и *Сиф*, кажется, один был человек по сходности имени и (как римляне числят) времени» [Там же, 303]. В позднее изданной книге А.Л. Леонтьев привел еще один общий признак в доказательство тождества китайского мифического императора-первопредка и культурного героя с третьим сыном Адама и Евы: «Сифа жиды, а Фусия китайцы звездочетцем называют» [Леонтьев 1778, 95]. Можно добавить, что с обоими персонажами их культурные традиции связывают изобретение письменности и нумеролого-каббалистических диаграмм. Подобная идентификация китайского патриарха с библейским восходит к теориям, сложившимся среди миссионеров-иезуитов в Китае из вышеупомянутой группы французских «ицинистов», или фигуралистов.

Нумерологическую диаграмму *Хэ-ту* у Чжу Си сопровождает объяснение, которое составлено из двух сведенных вместе фраз, в обратной последовательности входящих в завершающие параграфы первого раздела комментирующей части «И цзина» «Сичи чжуань» (繫辭傳 «Предание привязанных афоризмов/доводов/высказываний», I, 8/9–10/11), где и упомянуто это «Изображение [из Желтой] реки». А.Л. Леонтьев также воспроизвел их в схематизированном переводе:

«НЕБО 1. ЗЕМЛЯ 2.

НЕБО 3. ЗЕМЛЯ 4.

НЕБО 5. ЗЕМЛЯ 6.

НЕБО 7. ЗЕМЛЯ 8.

НЕБО 9. ЗЕМЛЯ 10.

Чисел неба 5. Чисел земли 5.

Что небо и земля имеют себе по пяти мест, в том есть между ими союз.

Всех чисел, у неба 25, у земли 30, а у обоих 55.

В сем заключается вина рождениам и совершениям вещей, и вина действиям *гой-шинь*» [Тайцин Гурунь 1782, 303].

Переданное транскрипцией *гойшинь* сочетание *гуй-шэнь* 鬼神 («нави и духи») разъяснено в примечании на той же странице как обозначение «небесных бесплотных сил, то есть духов», хотя их бесплотность весьма сомнительна и в соответствии с общим смыслом и данным контекстом они являются не только небесными, а земными (*гуй*) и небесными (*шэнь*) существами.

Затем А.Л. Леонтьев, следуя китайской традиции, поместил «Изыяснение», представляющее собой изложение чжусианского комментария и начинающееся следующим образом: «В таких словах содержится начертания онога мудрость. Основано начертание на числах, а числа представляют образы. По сему, что у неба и земли выходит из десяти порознь смекаемых чисел пятьдесят пять и что небо и земля имеют на стольких числах по пяти мест, небо есть ЯН, земля есть ИНЬ; ЯН рождает вещи, а ИНЬ совершает» [Тайцин Гурунь 1782, 304].

Основополагающий для социально-правовой сферы смысл «Канона перемен» А.Л. Леонтьев обнаружил еще раньше, при переводе маньчжурского варианта цинского кодекса «Законы и постановления Великой [империи] Цин» (大清律例, «*Дай Цин люй ли*», 1725 г.; см.: [Хохлов 2009, 480–484]), в предисловии к которому император Инь-чжэнь 胤禛 (1678–1735; девиз правления Юн-чжэн 雍正, 1723–1735) отметил: «В *Игин* есть речь, что по уложению могли прежняя цари дела судить объяснивши людям наказании», – а переводчик пояснил: «Так называется первая в древности их книга» [Китайское уложение 1778, 4]. Это прямое подтверждение взгляда французских просветителей и физиократов, донесенного Н. Бодо до А.Л. Леонтьева, видимо, и побудило его сопроводить следующий перевод юридических документов цинского двора справкой об «И цзине».

Родоначальник научного китаеведения в России Н.Я. Бичурин (1777–1853) также воспроизвел традиционный для Китая и характерный для фигуралистов взгляд на «И цзин» («*Книгу Перемен liber vicissitudinum*») как на созданное святыми мужами от Фу-си до Конфуция и признанное священным философское основание «системы миробытия», состоящее из 64 *гуа*, каждая черта которых «заключает в себе полную мысль», и «содержащее понятия о Боге и природе, т.е. о законах физического и нравственного мира». Ни словом не обмолвившись о мантической функции «Канона перемен», Н.Я. Бичурин представил его главным источником созданного в XI в. Чжоу Дунь-и 周敦頤 (1017–1073) неоконфуцианства, которое было принято «всеми учеными, а потом и правительством» и стало классикой китайской словесности [Бичурин 1840, 398–399].

Важные начинания Г. (Т.) З. Байера, А.Л. Леонтьева и Н.Я. Бичурина, к сожалению, были забыты в России, где, как и в Европе, на фоне позитивистских настроений, всемирного триумфа Запада и дискредитации Китая во второй половине XIX в. вернулся исходный скепсис по отношению к «Канону перемен». В 1873 г. крупнейший отечественный синолог XIX в. В.П. Васильев даже усмотрел в его особом статусе причину отсутствия конфуцианского катехизиса, поскольку «китайцы раздули значение этой книги до высших пределов мудрости, принимая ее слова за откровение, особенно с тех пор, как приписали Конфуцию дополнения к этой книге», а в отрывистости и бессвязности языка – соответствие предназначению для гадания «вроде нашего Мартына Задеки». Несмотря на этот критический пафос и по существу противореча себе, он признал «первоначальное арифметическое назначение “И цзина”», привел магический квадрат *Ло-шу* 洛書 («Писание [из реки] Ло», см.: [Кобзев 2011]) и, не употребляя термины «триграммы» и «гексаграммы», высказал оригинальную гипотезу о том, что в 8 трехлинейных фигурах *гуа* (триграммах) с прибавлением однолинейной и двухлинейной фигур, идентичных цифрам 1 (一) и 2 (二), «скрывается первоначальное выражение десятиричного счисления».

Российский академик столь же нетривиально отнес «перемены» из заглавия канона не к процессуальности мироздания, а к комбинаторике линий, образующих 64 фигуры *гуа* (гексаграммы), и поддержал предположение, что «“И цзин” имел первоначально большую связь и с древнею китайскою письменностью», поскольку, подобно

всем гексаграммам, состоящим из 8 триграмм, «все китайские иероглифы состоят из сплетения восьми главных черт», да и «гвоздеподобное письмо персов имеет также форму китайских *гуа*» [Васильев 2013, 153–155]. Последнее замечание явилось параллелью к популярной тогда теории вавилонских/аккадских истоков китайской культуры А. Терьена де Лакупри (А. Terrien de Lacouperie, 1844–1894), который усмотрел в «И цзине» бактрийско-китайский словарь [Terrien de Lacouperie, 1892], за что подвергся суровой критике Ю.К. Щуцким [Щуцкий 2003, 95–96]. Рационализируя традиционное для Китая представление о происхождении иероглифической письменности из фигур *гуа*, В.П. Васильев попытался применить европейскую «методу», являющуюся «основанием всей нашей учености», для систематизации иероглифов и алгоритмизации их словарного поиска, создав в 1856–1867 гг. совершенно оригинальную «графическую систему китайских иероглифов» и построив на ней первый опубликованный китайско-русский словарь [Васильев 1856; Васильев 1866; Васильев 1884; Васильев 2010].

Помимо общеметодологической системы *гуа*, В.П. Васильев опирался на лингвистическую теорию энциклопедиста и ученого-новатора Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162), согласно которому основу всех иероглифических черт составляет пара «первообразов»: точки и прямой/линии, выражающих «путь неба и земли, закон двух сил *инь* и *ян*», то есть прямых аналогов двух базовых монограмм «И цзина» [Васильев 1866, 4; Васильев 1884, III; Васильев 2010, VII–VIII]. Их утроение за счет разделения прямой линии на горизонтальную и вертикальную, а также шесть или восемь основных черт сходны с троичностью, шестеричностью и восьмеричностью триграмм и гексаграмм. В.П. Васильев выделил в иероглифах главные/преобладающие черты и отдал преимущество их нижней позиции перед верхней, что соответствует классификации триграмм, одному из методов гадания по гексаграммам [Кобзев 2014, 638–646] и их написанию снизу вверх, в отличие от иероглифов, пишущихся сверху вниз. На этом ицзинистическом фундаменте он в первом опубликованном русско-китайском словаре 1867 г. построил классификацию иероглифики по 19 главным чертам с подразделами от 1 до 6 (а–е), что предполагает 114-клеточную (19 × 6) матрицу [Васильев 2010, VIII–IX]. Именно в разграфленной на клетки таблице с шестью главными отделами русский синолог представил свою самую раннюю классификацию иероглифов [Васильев 1866, 7–8]. Тут влияние «Канона перемен» столь же очевидно, поскольку 6 – число не только главных иероглифических черт, но и позиций в гексаграммах, а также исконное обозначение их прерванных линий *инь*. Не таким ясным выглядит число 19, видимо, выбранное под влиянием Чжэн Цяо, у которого схожий набор состоит из 19 черт и круга как знака препинания [Васильев 1884, III], но оно также имеет важное нумерологическое значение, представляя в ицзинистике лунно-солнечный календарь, где 19-летие *чжан* 章 соответствует циклу Метона.

Систему В.П. Васильева вскоре развил в аналогичном словаре его коллега, китаист, математик и астроном Д.А. Пещуров (1833–1913) [Пещуров 1891], сокративший максимальное число подразделов до четырех и получивший матрицу из 76 (19 × 4) клеток, количество которых совпадает со связанным с Метоновым циклом 76-летием *бу* 部, то есть циклом Калиппа. Появление этого числа, возможно, было вызвано тем, что Д.А. Пещуров в 1857–1861 гг. возглавлял магнитно-метеорологическую обсерваторию при Русской духовной миссии в Пекине и занимался древнекитайской астрономией. Затем русскую графическую систему усовершенствовали О.О. Розенберг (1888–1919) и В.С. Колоколов. Она возобладала в отечественных словарях, включая наилучший, удостоенный Государственной премии 1986 г., 4-томный «Большой китайско-русский словарь» (1983–1984), где при 5 исходных чертах число главных возросло до 24, а их базовых комбинаций – до 60, и, кроме того, благодаря работам япониста О.О. Розенберга, опубликованным в Японии в 1916–1917 гг. [Rosenberg 1916], в 1920-е гг. вернулась в Китай в виде метода поиска иероглифов «по четырем углам» (*сы-цзяо хао-ма* 四角號碼), ныне трансформировавшегося в один из способов их компьютерного ввода (см.: [Завьялова 2008]).

Отличавшийся нестандартностью мышления В.П. Васильев вполне мог заразить идеей универсальной систематизации на основе таблицы из 64 элементов с восьмеричной периодичностью своего хорошего знакомого и коллегу по Санкт-Петербургскому университету Д.И. Менделеева (1834–1907), который и сам с гимназических лет живо интересовался Китаем, писал о нем, собирался туда отправиться и дружил с синологами (подробно см.: [Екимов 1958], где, в частности, помещена совместная фотография В.П. Васильева и Д.И. Менделеева). Более того, в студенческие годы (1853–1855) Д.И. Менделеев изучал и даже реферировал книгу Н.Я. Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» [Бичурин 1840], и его «особенно привлек XI раздел книги “Изложение системы миробытия”» [Екимов 1958, 232], который как раз начинается с описания «И цзина», то есть о 8 и 64 *гуа* он заинтересованно узнал еще задолго до знакомства с В.П. Васильевым и петербургскими синологами.

Объективными предпосылками создания периодической системы химических элементов были уже открытые 63 элемента (в действительности 64, поскольку дидим оказался не одним, а двумя элементами), предположенная предшествующими учеными кратность 8 у атомных весов некоторых элементов, «закон октав» Дж.А. Ньюлендса (1837–1898) и «триады» И.В. Дёберейнера (1780–1849), что соответствует базовым числам «И цзина». В первом варианте (1869 г.) Таблица Менделеева состояла из 19 горизонтальных рядов и 6 вертикальных столбцов, то есть была тождественна 114-клеточной и также не до конца заполненной матрице из словаря В.П. Васильева, опубликованного двумя годами ранее. Во втором варианте (1871 г.) Таблицы Менделеева 19 горизонтальных рядов превратились в 8 вертикальных групп, а 6 вертикальных столбцов разделились на 12 горизонтальных рядов, образовав 96-клеточную матрицу, еще больше схожую с пространственно-числовыми параметрами системы 64 гексаграмм, которые группируются по 8 и состоят из 384 черт, образующих 4 таких матрицы. В целом влияние «И цзина» через В.П. Васильева на появление Таблицы Менделеева очень напоминает его влияние через Ж. Буве на создание двоичной арифметики Лейбница, но разительно отличается полной до сих пор неизученностью.

В русском издании трудов ученика В.П. Васильева, родившегося и учившегося в Петербурге немецкого синолога В. Грубе (W. Grube, 1855–1908), «И цзин», по-западному названный «Канонической книгой превращений», состоящей из 64 гексаграмм – комбинаций 8 триграмм, компромиссно определен как «руководство по искусству прорицания и сборник изречений оракула», который, однако, «благодаря своему непонятному, загадочному характеру» «неотразимо действовал на умы всех последующих поколений и этим влиял на философское умозрение дольше, чем какое-либо другое произведение китайской литературы» [Грубе 1912, 30–31].

Ю.К. Щуцкий, первым в России специально занявшийся «Каноном перемен» и написавший о нем в 1928–1935 гг. обширную монографию, защищенную как докторскую диссертацию (1937 г.), странным образом не обратил внимания на соответствующие достижения своих отечественных предшественников, сосредоточившись на их западных коллегах, но зато по-новому подошел к «И цзину»: с одной стороны, строго научно, исторически и текстологически, исследовал содержание и структуру памятника и перевел его каноническую часть, а с другой стороны – мистически, подробнее прокомментировал на основе конфуцианской, даосской и буддийской традиций и провиденциально интерпретировал. Эта монография в сокращенном виде смогла увидеть свет только в 1960 г. и в 1979 г. по-английски, а в полном виде – в 1993 г., многократно переиздавалась [Щуцкий 2003] и сама стала каноническим текстом для отечественной ицзинистики, расцветшей с конца 1970-х гг. (см.: [Кобзев 2016, 299–329]).

Новаторский подход антропософа и тамплиера Ю.К. Щуцкого предвосхитил неомистицизирующую юнгианскую тенденцию в истолковании «И цзина» на Западе в XX в. Странник мистической секты *Дао-дэ сю-иэ* 道德修社 (Общество морального совершенствования), Р. Вильгельм (Richard Wilhelm, 1873–1930) завершил свой классический перевод памятника, передающий *гуа* как «символы», в 1914 г. и опубликовал

через десять лет [Wilhelm 1924]. Он строился в первую очередь на религиозно-мантическом прочтении текста. Этот подход получил психологическое развитие у дружившего с Р. Вильгельмом создателя аналитической психологии К.Г. Юнга, вдохновившего свою ученицу К.Ф. Байнз (Cary F. Baynes, 1883–1977) перевести на английский его немецкий перевод (в 1950 г.) и написавшего к нему предисловие (в 1948 г.). На французский язык перевод Р. Вильгельма перевел в 1968 г. также юнгианец Э. Перро (Étienne Perrot, 1922–1996) [Wilhelm 1973]. Имеются и другие его переводы: голландский (1950 г.), итальянский (1950 г.), испанский (1969 г.) и русский [Вильгельм 2014]. К.Г. Юнг самостоятельно в течение десятков лет гадал по «И цзину», мантико-астрологическую функцию которого интерпретировал как метод самопознания, основанный на синхронии, или параллелизме, психических и физических событий.

Продемонстрированный Р. Вильгельмом и К.Г. Юнгом потенциал «Канона перемен» по архетипическому структурированию культуры в целом был художественно осмыслен прошедшим у последнего в 1921 г. курс психологического анализа и в 1925 г. восторженно отрецензировавшим «древнейшую книгу китайской мудрости и магии» лауреатом Нобелевской премии Г. Гессе в знаменитом романе-утопии «Игра в бисер» (1943 г.; рус. пер. 1969 г.). Благодаря освященной мировыми авторитетами психологизации и эстетизации мантики «И цзина», ставшего «одним из самых читаемых и тщательно анализированных текстов во всей мировой литературе» [Smith 2012], после Второй мировой войны этот неомистицизм проник в массовую культуру Запада, на новом уровне и в большем масштабе повторив начальный успех, подготовленный фигурантами тремя веками раньше.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бичурин 1840 – *Бичурин Н.Я.* Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Академия наук, 1840 (Bichurin, Nikolai Ya., *China, its Inhabitants, Morals, Customs, Education*, in Russian).

Васильев 1856 – *Васильев В.П.* Графическая система китайских иероглифов // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Ч. 92. Отд. II. С. 333–358 (Vasiliev, Vasilii P., *Graphic System of Chinese Characters*, in Russian).

Васильев 1866 – *Васильев В.П.* Анализ китайских иероглифов. СПб.: Лит. Тиблина и К°, 1866 (Vasiliev, Vasilii P., *Analysis of Chinese Characters*, in Russian).

Васильев 1884 – *Васильев В.П.* Анализ китайских иероглифов. Ч. 2. Элементы китайской письменности. СПб.: Печатня А. Григорьева, 1884 (Vasiliev, Vasilii P., *Analysis of Chinese characters*, Part 2, in Russian).

Васильев 2010 – *Васильев В.П.* Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб.: СПбГУ, 2010 (репринт 1867) (Vasiliev, Vasilii P., *Graphic System of Chinese Characters. Experience of the First Chinese-Russian dictionary*, in Russian).

Васильев 2013 – *Васильев В.П.* Религии Востока: Конфуцианство, буддизм и даосизм. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2013 (репринт 1873) (Vasiliev, Vasilii P., *Religions of the East: Confucianism, Buddhism and Taoism*, in Russian).

Вильгельм 2014 – *Вильгельм Р.* Чжоу и цзин. Чжоусская книга перемен. Книга мудрости / Пер. с англ. В.Ф. Дернова-Пегарева. М.: Махаон, 2014 (Wilhelm, Richard, *Zhou Yi Ching. Zhou Book of Change. Book of Wisdom*, Russian Translation).

Грубе 1912 – *Грубе В.* Духовная культура Китая. Литература, религия, культ / Пер. с нем. П.О. Эфрусси. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912 (Grube, Wilhelm, *Spiritual Culture of China. Literature, Religion, Cult*, Russian Translation).

Китайское уложение 1778 – Китайское уложение / Перевел сокращенно с маньчжурского на русский язык Коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Алексей Леонтьев. Ч. 1. СПб.: Академия наук, 1778 (Leontiev, Aleksei, Trans., *Chinese Code*, Russian Translation).

Лейбниц 2005 – *Лейбниц Г.В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / Пер. В.М. Яковлева. М.: ИФ РАН, 2005 (Leibniz, *Letters and Essays on Chinese Philosophy and the Binary System of Calculus*, Russian Translation).

Леонтьев 1778 – *Леонтьев А.Л.* Кратчайшее описание городам, доходам и прочему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы. Выбранное из китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кян Луне секретарем Леонтьевым. СПб.: Академия наук, 1778 (Leontiev, Aleksei, *The Shortest Description of the Cities, Incomes etc. of the Chinese State*, in Russian).

Пещуров 1891 – Пещуров Д.А. Китайско-русский словарь (по графической системе). СПб.: Академия наук, 1891 (Peschurov, Dmitrii A., *Chinese-Russian Dictionary*, in Russian).

Соловьев 1896 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. СПб.: Общественная польза, [1896] (Soloviev, Sergei M., *History of Russia Since Ancient Times*, Book 6, in Russian).

Тайцин Гурунь 1782 – Тайцин Гурунь и Ухери Коли, то есть все законы и становления китайского (а ныне манчжурского) правительства / Перевел с манчжурского на русский язык Алексей Леонтиев. Т. II. СПб.: Академия наук, 1782 (Leontiev, Aleksei, Trans., *All the Laws and Formation of the Chinese (and Now Manzhurian) Government*, Russian Translation).

Щуцкий 2003 – Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / Сост., вступ. ст., коммент., примеч. и ред. А.И. Кобзева. М.: Восточная литература, 2003 (Shchutsky, Yulian K., *Chinese Classical "Book of Changes"*, in Russian).

Bayer, Theophilus S. (1730) *Museum Sinicum In quo Sinicae Linguae et Litteraturae ratio explicatur*, T. 1, Academiae imperatoriae, Petropoli.

Confucius (1687) *Sinarum philosophus, sive Scientia sinensis latine exposita*, Apud Danielelem Horthemels, Paris.

Haupt, Johan Th. (1753) *Königlich-Preußischen Kirchen- und Schulen-Inspectors zu Templin, Neue und vollständige Auslegung des von dem Stifter und ersten Kaiser des Chinesischen Reichs Fohi hinterlassenen Buches Ye-Kim genannt*; Berger und Boedne, Rostock – Wismar.

Gaubil, Antoine, trad. (1770) *Le Chou-king, un des livres sacrés des Chinois, qui renferme les fondements de leur ancienne histoire, les principes de leur gouvernement & de leur morale; Ouvrage recueilli par Confucius*, notes par M. de Guignes, N.M. Tilliard, Paris.

Leibniz (1990) *Leibniz korrespondiert mit China. Der Briefwechsel mit den Jesuitenmissionaren (1689–1714)*. Ed. Rita Widmaier, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.

Magailans, Gabriel (1688) *A New History of China Containing a Description of the Most Considerable Particulars of that Vast Empire*, Printed for Thomas Newborough, London.

Martini, Martinus (1658) *Sinicae historiae decas prima, res à gentis origine ad Christum natum in extremâ Asiâ, sive Magno Sinarum imperio gestas complexa*, J. Wagner, Monachii.

Mohl, Jules, ed. (1834–1839) *Y-King antiquissimus Sinarum liber quem ex latina interpretation*, Vol. 1–2, J.G. Cotta, Stuttgartiae – Tubingae.

Needham, Joseph (1956) *Science and Civilization in China*, Vol. 2: *History of Scientific Thought*, Cambridge University Press, Cambridge.

Quesnay, François (1888) “Le Despotisme de la Chine”, *Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay...: accompagnées des éloges et d'autres travaux biographiques sur Quesnay par différents auteurs*, Publiées avec une introduction et des notes par Auguste Oncken, Jules Peelman & Cie, Paris, pp. 563–660.

Rosenberg, Otton O. (1916) *Arrangement of the Chinese Characters According to an Alphabetical System*, Kobunsha, Tokyo.

Spitzel, Gottlieb (1660) *De re literaria Sinensium commentarius, in quo scripturae pariter ac philosophiae Sinicae specimina exhibentur et cum aliarum gentium, praesertim Aegyptiorum, Graecorum et Indorum reliquorum literis atque placitis conferuntur*, Officina Petri Hackii, Lugdunum Batavorum.

Terrien de Lacouperie, Albert (1892) *The Oldest Book of the Chinese, the Yh-King, and Its Authors*, Vol. I, *History and Method*, D. Nutt, London.

Visdelou, Claude de (1842) *Notice du livre chinois nommé Yi-King, ou Livre canonique des changements*, Société du Panthéon littéraire, Paris.

Wilhelm, Richard (1924) *I Ging: Das Buch der Wandlungen*, 2 Bde, Eugen Diederichs, Jena.

Wilhelm, Richard (1973) *Yi King, ou Livre des transformations*, Trad. fr. par E. Perrot, Librairie de Médecis, Paris.

Ссылки – References in Russian and Chinese

Екимов 1958 – Екимов А.А. Менделеев о Китае // Советское Китаеведение. 1958. № 4. С. 230–239.

Завьялова 2008 – Завьялова О.И. Поиск «по четырем углам»; Русская графическая система // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. С. 710–711, 714–715.

Кобзев 2010 – Кобзев А.И. Нумерология и кабалистика: Пекин и Иерусалим // Общество и государство: XL научная конференция. М.: ИВ РАН, 2010. С. 444–450.

Кобзев 2011 – Кобзев А.И. Хэ-ту, ло шу // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2011. С. 517–519.

Кобзев 2014 – Кобзев А.И. «Канон перемен» как мировая константа // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2014. С. 629–708.

- Кобзев 2016^a – Кобзев А.И. Драммы и фарсы российской китаистики. М.: ИВ РАН, 2016.
- Кобзев 2016^b – Кобзев А.И. Китайский путь человечества // Восток. 2016. № 4. С. 16–27.
- Кобзев 2017^a – Кобзев А.И. Китайская астрология // Сакральное на традиционном Востоке / Отв. ред. А.Л. Рябинин. М.: ИВ РАН, 2017. С. 22–32.
- Кобзев 2017^b – Кобзев А.И. Китайская алхимия // Сакральное на традиционном Востоке / Отв. ред. А.Л. Рябинин. М.: ИВ РАН, 2017. С. 170–180.
- Кобзев 2018 – Кобзев А.И. Секстина и гексахорд, гексаграмма и гексанема, или О древних формах глобализации // Восток. 2018. № 4. С. 31–54.
- Ломанов 2002 – Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002.
- Лю Ган 2007 – Лю Ган. Философия информации и основы будущей китайской философии науки и техники // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 45–57.
- Скачков 1977 – Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Восточная литература, 1977.
- Фишман 2003 – Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Санкт-Петербургское Востоковедение, 2003.
- Фонякова 2016 – Фонякова (Колоколова) Н.Н. Биография Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979) // Архив российской китаистики / Сост. А.И. Кобзев. М.: ИВ РАН, 2016. С. 44–48.
- Хохлов 2009 – Хохлов А.Н. «Дай Цин люй ли»; «Дай Цин хуй дьянь»; «Дай Цин хуй дьянь шили» // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Восточная литература, 2009. С. 480–490.
- Чжу Бо-кунь 1998 – Чжу Бо-кунь. Цинлай жэньши «И цзин» [Приглашение к познанию «Канона перемен»] // Чжу Бо-кунь луньчжу [Труды Чжу Бо-куня]. Шэньян: Шэньян, 1998. С. 585–596.

References

- Fishman, Olga L. (2003) *China in Europe: Myth and Reality (XIII–XVIII centuries)*, Saint Petersburg Oriental Studies, Saint Petersburg.
- Fonyakova (Kolokolova), Natalya N. (2016) “Biography of Vsevolod Sergeevich Kolokolov (1896–1979)”, Kobzev, Artem I., comp., *Archive of Russian Sinology*, IOS RAS, Moscow, pp. 44–48.
- Khokhlov, Aleksandr N. (2009) “Dai Qing Lu Li”; “Dai Qing Hui Dian”; “Dai Qing Hui Dian Shili”, *Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Vol. 4. Historical Thought. Political and Legal Culture*, Vostochnaya Literatura, Moscow, pp. 480–490.
- Kobzev, Artem I. (2018) “Sextina and Hexachord, Hexagram and Hexanema, or On the Ancient Forms of Globalization”, *Vostok*, Vol. 4, pp. 31–54.
- Kobzev, Artem I. (2010) “Numerology and Kabbalism: Beijing and Jerusalem”, *Society and State: XL Scientific Conference*, IOS RAS, Moscow, pp. 444–450.
- Kobzev, Artem I. (2011) “He-tu”, “Lo-shu”, *Spiritual culture of China: Encyclopedia. Vol. 1. Philosophy*, Vostochnaya Literatura, Moscow, pp. 517–519.
- Kobzev, Artem I. (2014) “Canon of Changes” as a World Constant’, *On the Way Behind the Great Wall of China. To the 60th Anniversary of A.I. Kobzev*, IOS RAS, Moscow, pp. 629–708.
- Kobzev, Artem I. (2016) “The Chinese Way of Humanity”, *Vostok*, Vol. 4, pp. 16–27.
- Kobzev, Artem I. (2016) *Dramas and Farces of Russian Sinology*, IOS RAS, Moscow.
- Kobzev, Artem I. (2017) “Chinese Alchemy”, Aleksei L. Ryabinin, ed., *Sacred in the Traditional East*, IOS RAS, Moscow, pp. 170–180.
- Kobzev, Artem I. (2017) “Chinese Astrology”, Aleksei L. Ryabinin, ed., *Sacred in the Traditional East*, IOS RAS, Moscow, pp. 22–32.
- Liu Gang (2007) “Philosophy of Information and the Foundations of the Future Chinese Philosophy of Science and Technology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5, pp. 45–57.
- Lomanov, Aleksandr V. (2002) *Christianity and Chinese Culture*, Vostochnaya Literatura, Moscow.
- Skachkov, Petr E. (1977) *Essays on the History of Russian Sinology*, Vostochnaya Literatura, Moscow.
- Smith, Richard J. (2012) *The I Ching: A Biography*, Princeton University Press, Princeton.
- Wolff, Larry (2012) *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, Stanford University Press, Redwood.
- Yekimov, A. A. (1958) “Mendeleev on China”, *Sovetskaya Sinologiya*, Vol. 4, pp. 230–239.
- Zavyalova, Olga I. (2008) “Search “by Four Corners”; Russian Graphic System”, *Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Vol. 3. Literature. Language and Writing*, Vostochnaya Literatura, Moscow, pp. 714–715.
- Zhu Bo-kun (1998) ‘Qinglai Renshi “I Ching” [Invitation to Cognition of the “Canon of Changes”]’, *Zhu Bo-kun Lunzhu (Works of Zhu Bo-kun)*, Shenyang Publishing House, Shenyang, pp. 585–596.

Сведения об авторе

КОБЗЕВ Артем Игоревич –

доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Китая ИВ РАН, директор УНЦ гуманитарных и социальных наук и руководитель департамента философии Московского физико-технического института (НИУ), руководитель УНЦ «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Центра изучения языка, литературы и культуры России Хэйлунцзянского университета (Харбин, Китай); вице-президент Международной ассоциации ицзинистов (Гоцзи и-сюэ лянъхэхуй 国际易学联合会).

Author's Information

KOBZEV Artem I. –

DSc in Philosophy, Professor, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Director of the Educational and Scientific Center for the Humanities and Social Sciences and Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of Physics and Technology (NRU), Head of the Educational and Scientific Center "Philosophy of the East" of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of Center for the Study of Russian Language, Literature and Culture, Heilongjiang University (Harbin, China); Vice-president of the International Association of Yi-Jing Studies (Guoji Yi-xue Lianhehui).